

**Жан-Батист
Дель Амо**

СОЛЬ

Роман

Перевод с французского
Нины Хотинской

Это могли быть островки
света — острова в потоке,
который я пытаюсь описать;
сама жизнь, утекающая.

Вирджиния Вулф.
Дневник

Часть первая

НОНА¹

Луиза

Она проснулась с уверенностью, что дети еще спят. Перспектива ужина оформилась в ее сознании и вместе с ней ощущение этого присутствия — детей в их комнатах по другую сторону коридора, их тел, укрывшихся под одеялами.

Рванный свет просачивался в окно и разбивался об угол комода. Рассвет заливал спальню. В доме она слышала лишь смутные шумы, но крики чак до нее долетали. Если бы ставни не были закрыты и день застал ее лежащей на боку, первое, что она увидела бы, открыв глаза, был бы высокий полет птиц в квадрате неба на стене. Порой там нерешительно тянулся шлейф облаков. Если утро было серым, Луиза словно видела в этом квадрате отражение моря, пену, которая могла быть белой или даже черной. Но какое значение имеют, в сущности, морские ветра, если птицы никогда не перестают владеть городом. Что бы ни случилось с людьми моря, небо они вспарывают равнодушно. Их постоянство нравилось ей, ничто не могло нарушить их извилистый путь. Обычно она не слышала даже криков, привычка сделала их просто звуковым фоном, но в это утро они так разорались, что сумели разбудить

¹ Парки (Нона, Децима и Морта) — три богини судьбы в древнеримской мифологии; соответствовали мойрам (Клото, Лахесис и Атропос) в древнегреческой мифологии. Первая прядла нить человеческой жизни, вторая наматывала ее на веретено, распределяла судьбу, третья перерезала нить жизни, обрекая человека на смерть. — *Здесь и далее применен тер.*

ее. Быть может, ветер дул к дому, донося до нее их концерт. Или, возможно, это беспокойство за предстоящий ужин преследовало ее уже с ночи.

Ей приснилось, что они сидят за столом в кухне. Кухня была не совсем их, но знакомая. Арман разговаривал с детьми. Их лиц ей не было видно, и она не могла определить, сколько им лет. Слов Армана Луиза тоже не различала отчетливо; она злилась, убежденная, что говорят о ней, критикуя ужин или порядки в доме. Потом вдруг оказалось, что ноги ее хлюпают, когда она шла от стола к раковине. Луиза опустила глаза и увидела, как под столом растекается по плиточному полу лужа воды, но никого это как будто не беспокоило. Арман продолжал бормотать нечленораздельные слова, а дети сидели, неподвижные и мрачные. Эта так пугавшая ее вода все прибывала и уже дошла ей до щиколоток. Луиза заклинала детей сделать что-нибудь, сказать ей, что происходит, но ни один не удостоил ее ответом, и все неотрывно смотрели на Армана, застыв как изваяния. Она помнила неизбывный ужас при мысли, что вода, продолжавшая подниматься, грозит затопить стол, еду и всю семью. При полном равнодушии близких Луиза повсюду искала источник этой течи и с изумлением обнаружила, что вода лилась из Армана. Она вытекала из его штанин, из-под воротника и из рукавов рубашки, из его губ, движения которых Луиза, однако, не различала.

Потом, как это часто бывает в снах, она осознала иррациональность этой сцены: надо было проснуться. Арман умер, он и дети не могли си-

деть за одним столом. Эта кухня была плодом ее воображения. Вода у колен не была мокрой. Вот из какого сна Луиза вырывалась несколько раз за ночь, предшествовавшую ужину. Она проснулась на влажных простынях и снова провалилась в беспокойный сон.

* * *

Что дети были еще в постели, хотя они покинули дом уже столько лет назад, и в тот же день должен был состояться этот ужин, ее ничуть не удивило. Она обрела в этой абсурдности, далекой от всякого понятия времени, счастье, подобное тому, что испытывала, когда Арман был уже в порту, а дети приходили утром в ее комнату. Едва проснувшись, они забирались к ней под одеяло, окутывая ее своим теплом. Это было воспоминание, которое только полусон позволял Луизе пережить вновь. Ей надо было отрешиться от настоящего, покачиваясь на зыбких волнах забвения, чтобы чувствовать себя еще живой. Она попыталась продлить несомненность их присутствия, но спальня стала еще реальнее, когда шторы выбросили лезвия дневного света и нарисовали на ее согнутой руке рыжие полосы. Волей-неволей Луиза оставила мысль об их кроватках, об их заспанных личиках в дверном проеме. Дом вокруг нее тишиной и неподвижностью напоминал стелу. Из спальни она представила себе лабиринт комнат с чувством, что живет в острове, слишком большом и брошенном. Другие до нее пытались выразить словами пустоту, остающуюся после ухода.

Луиза села на край кровати. Ночная рубашка задралась выше колен. Босыми ногами она погладила ковровое покрытие. Она решила открыть настежь окна, выбить ковры до вечера, сходить на рынок; спланировала эти пустяки, которыми хвалятся женщины ее возраста. Приход детей ее тревожил. Их присутствие в доме было ей мучительно. Она, однако, сама его хотела, это по ее просьбе все должны были прийти сегодня вечером, но они слишком отчетливо представлялись ей в той или иной комнате, такими непомерно большими, что она порой сомневалась, сама ли их родила, и видела в них незнакомцев. А ведь это, говорят, совершенно естественно, и дети не успокоятся, едва выйдя из материнской плоти, пока не уйдут от нее как можно дальше и не обретут независимость и чуждость. Луиза не формулировала четко этих мыслей, она лишь смотрела, как день просачивается в окно.

Еще вчера она начала чувствовать в пальцах это напряжение, это онемение в руках, которое так хорошо знала и боялась его. Это было после того, как она позвонила Жонасу. Она положила трубку и, слишком быстро выпустив ее из рук, поняла, что близится приступ. Ночью стало еще хуже, возможно, в этом и была причина ее мутных снов. Луиза достала из ящика ночного столика капсулы чертова когтя, зная, однако, что придется перейти на противовоспалительные. Ей уже казалось, что металл вонзается в кожу ее пальцев и тщательно сверлит каждый сустав. Движения ее были неловки.

Приход детей ее и возбуждал; теперь она чувствовала себя вполне проснувшейся и не хотела

поддаваться колотью в руках. Из ряда вон выходящее событие может придать банальным часам, которые ему предшествуют, особый вкус или же по контрасту сделать их еще более пресно-скучными. Еще до своего прихода дети определили очертания дня, позволившие Луизе оценить свои будни. Ее дни были тронуты скукой. Привычка делала скуку неразличимой. Она не жаловалась, да и не стремилась ни к чему другому. Скука обозначала ее путь. Ее жизнь, если вдуматься, была пейзажем без неровностей, без тех моментов, о которых любишь потом вспоминать как о чем-то исключительном, без вершин, с которых она посмотрела бы на нее под новым углом. Картины все накатывали и накатывали на порог ее сознания, но ни одна волна не была выше других. Эта жизнь могла быть как вечностью, так и мгновением. Она вспоминала водяную пыль, окутывавшую Армана, когда он возвращался из порта. Наверно, это было связано с мыслью, что за ее окном, внизу, порт просыпался — если он вообще когда-нибудь засыпал — одновременно с ней. Луиза угадывала сети, закинутые, потом поднятые на борт рыболовных судов, деловитую суету моряков, их возбужденные голоса, запах тел, а потом и другой, отдающий железом, рыбьих потрохов на их руках. Никогда она не понимала этой тяги к морю, вечной и вечно новой. Мужчины ходят в море, как ходят к женщинам, женщины им приедаются, но морской простор никогда. Она думала об Армане, как будто и не думая о нем; ушедшие всегда живут в нас. Они — не образ, но неизгладимый отпечаток, легкий флер между тобой и миром, окрашивающий его

на свой манер горькой печалью. Все, что воспринимала она теперь, все образы, звуки, чувства были замешены на памяти об Армане.

Луиза встала, накинула халат, надела тапочки, стоявшие в изножье кровати, потом застелила простыни и одеяла, разгладила как могла перину. Она не замечала больше комнаты вокруг, серости тесных стен, грубых петель бежевого коврового покрытия; это была обветшалая комната с потемневшими обоями, где в каждой полосе дневного света она представляла как в декоре поляроида. Пальцы ее стали похожи на когти хищной птицы. Луиза вспомнила, как Арман вытаскивал одного за другим детей из их постели. Он сурово корил ее за попуститель-ство:

— Я не хочу, чтобы мои парни росли у мамин-ной юбки.

Он вошел в спальню, недоступный в своем молчании моряка — Луиза называла так непро-ницаемость, в которой он так часто замыкался, и не было никакой возможности до него досту-чаться, — подошел к кровати и, яростно срывая простыни, пытался наугад схватить ручки или ножки детей. Те сначала смеялись, и она вме-сте с ними, думая, что это такая игра, но Луиза умолкла, потому что ей было знакомо то, чего дети еще не знали: неподвижное лицо Армана. Это часто случалось за время их совместной жиз-ни, когда ее муж отсутствовал, находясь рядом. Его характер менялся. Как океан, думала она. Он мрачнел, и, казалось, отлив уносил его далеко от телесной оболочки. Рядом оставалась лишь кора, его пустой и упрямый взгляд. Приходилось до-

жидаться прилива, когда снова появлялся хорошо знакомый муж и отец.

Сцена, которую заново переживала Луиза, поправляя простыни на постели, была одним из таких моментов, когда вместо Армана остался этот человек-кора. Дети поняли, что Арман действительно хочет схватить их, как только она перестала смеяться и непривычным тоном произнесла имя их отца в тщетной надежде его умиротворить. Его широкие шершавые руки добрались до Альбена и Жонаса и вытащили их из постели. Луизе была хорошо знакома хватка этих жестких рук. Она знала их то похотливыми, то властными, и грубость их жестов на гладкой белизне детских ручек и ножек повергла ее в растерянность. Арман вытащил детей в коридор, и они разошлись по своим комнатам; ненависть отца вздувала их узенькие торсы, руки покрылись пятнами от следов его пальцев.

— Неслухи, — сказал Арман, — пороли их мало...

Когда Луиза заканчивала заправлять постель, тревога схватила ее за горло. Арман встал между нею и детьми. Хоть его уже не было на свете, он все равно оставался между ними неодолимым препятствием. Для нее, однако, было немислимо ограничить своего супруга той ролью, к которой, например, Жонас свел память об отце. Арман был человеком необычным. Луиза не претендовала на то, что знала его. Они жили рядом, деля на самом деле лишь краткие мгновения, мимолетные проблески, объединявшие их. Так могла ли она утверждать, что знала, кто такой Арман? Луизе

хотелось верить, что образ, наиболее близкий к человеку, которым он был, находился на слиянии их общих воспоминаний, ее и детей, но, быть может, никто из них так и не постиг Армана.

Застелив постель, она постояла в изножье кровати, рассматривая комнату; пальцы ее были согнуты и почти касались ладоней. Все здесь застыло, ей казалось, что переставить ту или иную безделушку на той или иной этажерке потребовало бы усилия, на которое она была неспособна, независимо от скрутившего ее артроза. У нее не было больше сил бороться с домом, подчинять его своей воле. Покинуть спальню этим утром значило нырнуть в жизнь, не отталкивать больше от себя близость ужина и заняться приготовлениями, проявив волю матери, готовой прыгнуть выше головы, чтобы принять своих близких. Луиза с точностью представляла себе предстоящий вечер еще до прихода детей. Фонарь над крыльцом окружит ее рыжим ореолом. Она будет прятать руки, держать их за спиной, чтобы они не увидели, как покраснели ее пальцы. Будет стоять, крепкая и статная, в круге света на полу, на шахматном порядке плитки. Они придут один за другим или, может быть, все сразу. Вразброд, как каждая из их жизней, или собранные вместе по прихоти их пунктуальности. Она хотела, чтобы они пришли именно так, верная тем мгновениям, что так редко их объединяли. Они пойдут к ней, ее дети, ее плоть, ее еще не прожитые жизни. Ее взгляд окутает их благодатью. Гравий аллеи зашуршит под их шагами, и они, убаюканные своими иллюзиями, почувствуют, как ее любовь

сгущает ночь и окружает их сердца. Она подумает: *Неужели мне не удалось защитить обломки их жизней? Неужели я, как все матери, проиграла?* Но она улыбнется, сознавая себя в золотом ореоле, окутавшем ее плечи, чтобы еще раз они сочли ее несокрушимой.

Жонас

Накануне, когда он говорил с матерью по телефону, у него и в мыслях не было, чтобы они с Хишамом уклонились от этого ужина. Он исполнял этот долг из страха ее обидеть, но всегда боялся того мига, когда вся семья садилась за стол в отсутствие отца. Они разыгрывали спектакль единения, и каждый из кожи вон лез, чтобы показать себя в самом лучшем, самом неверном свете. О нем они старались не говорить, и Жонас не знал, хранят ли они молчание из уважения к горю Луизы или боясь того, что могут открыть об Армане.

Хишам был в ванной. Вода журчала о поддон душевой кабины. Жонас больше не мог уснуть и следовал по воображаемой линии вдоль торса, потом живота Хишама, туда, куда лилась вода, обжигая кожу. Когда он думал о нем, на картинку всегда накладывалось воспоминание о Фабрисе. Это утро не стало исключением. День пройдет так: Хишам отправится в свой кабинет, потом совершит утренний обход пациентов. Жонас пойдет на озеро брать пробы. Оба знали, что вечером они ужинают у матери Жонаса. Будут его брат Альбен, Фанни, старшая сестра, их мужья-жены и дети.